

В августе сорок второго года докатилась война и до Кубани. Как назло, этот год выдался жарким и хлебным. Кое-где успели наспех скосить пшеницу, но в основном бросили налитые урожаем поля. Теперь же зерно ссыпалось на землю прямо из колоса.

С тяжёлыми боями отступали советские войска, предпринимая всевозможные военные хитрости, чтобы задержать противника хоть на малое время и дать возможность мирному населению эвакуироваться. Вместе с войсками уходили потоки людей, бросая дома с нажитым имуществом. словно людские волны бушующего шторма: одни – вперемешку солдаты с гражданскими – схлынули, а другие – все в серо-чёрном с автоматами на перевес и под лязг танковых гусениц – прокатили по жилым кварталам. И уже где-то вдали, в степях, грохотали пушки, доносились эхом взрывы ручных гранат. Черноморские города вмиг наполнились тишиной. Той фронтовой тишиной, которая загоняет людей в дома с зашторенными окнами.

Небольшая группа штабных офицеров СС и Вермахта расположилась поужинать в пригороде города Анапа. Для своего пристанища они выбрали дом с просторной террасой, под которую хозяева обустроили часть плоской крыши. От дороги весь дачный посёлок прикрывала, ощерившись голым камнем, скала, выступающая из зелёного массива и разрезающая прибрежную волну, словно жёлтым зубом. Зато с террасы открывался прекрасный вид на море. Офицеры разложили походный столик и четыре складных табурета. В бельевых хозяйских шкафах отыскивали скатерть. Каждый выложил свои припасы пайка.

– Какой замечательный вид, – мечтательно произнёс офицер с железным крестом под кадыком, стоявший с растёгнутым кителем и заткнутыми пальцами за портупею на поясе.

– Вы находите, господин оберштурмбанфюрер, этих доходяг прекрасным видом? – иронично отметил

другой, задумчиво глаза на соседний двор с разрушенным домом от прямого попадания авиабомбы. Двор был наполнен военнопленными и задержанными случайными прохожими, которых охраняли часовые со скучающими физиономиями.

– Не туда смотрите, гауптман Клингер, – отмахнулся тот, брезгливо изогнув губы. – Вот сему надо отдаваться, – и он повёл подбородком. – Какое спокойное море! Какое величие морской стихии!

– Я из рыбацкой семьи, – досадливо усмехнулся Клингер. – Вся моя жизнь прошла на берегу Северного моря, господин оберштурмбанфюрер. От вида моря меня тошнит.

– Когда это было?.. – задумчиво произнёс оберштурмбанфюрер, погружённый в свои мысли, но неожиданно опомнившись, воскликнул: – Сколько вас помню, вы всегда были в армии!

– Да-а, – с горечью в голосе протянул гауптман. – Мне часто кажется, что море было в какой-то другой жизни. Но я всё равно его ненавижу.

– Ну-ну, что за упаднические настроения? – воскликнул оберштурмбанфюрер, но гауптман не дал ему продолжить.

– Знаете, что меня всё ещё удивляет? – глядя на пленных, Клингер поправил очки, с силой вдавив дужку в переносицу. – Меня удивляет, что этот народ так долго сопротивляется! – и он нервно ткнул пальцем в сторону военнопленных. – Наши войска стоят у Москвы. Вот и Кубань наша. Скоро мы будем в Баку. А они...

– Меня никогда не удивляло сопротивление, – запальчивым тенорком поддержал разговор унтерштурмфюрер Пройсс.

Он скинул китель на старенькую софу и, оставаясь в натальной рубашке, подошёл к гауптману.

– Их удел подчиняться, мой друг, – и, прихватив того за плечи, дружески потряс. – Это сопротивление рабов, инстинктивное. Не так ли, господин Мейер? – в голосе Пройсса зазвучали нотки чиновничества, но оберштурмбанфюрер не ответил, продолжая

долгим задумчивым взглядом всматриваться в свинцовую морскую гладь.

– Конечно, цивилизация сделала людей трусливыми, но вот русские... я слышал, не вписываются в наше понимание любви к родине, – поддержал разговор другой офицер, вернувшийся из дома, и со звёздами майора на погонах. – Их оборона... – не подобрав подходящих слов, он растеряно развёл руками, держа в них поднос с нарезанными колбасой и хлебом и стопку пустых тарелок. – Они дерутся как звери! – Офицер разложил на столике тарелки. – Я должен вам сказать, господа, у наших хозяев был отменный вкус, фарфоровый сервиз марки Розенталь к вашим услугам!

Офицеры поморщились, точно услышали редкую глупость, даже оберштурмбанфюрер обернулся, чтобы окинуть того насмешливым взглядом, и его губы снова брезгливо скривились.

– Майор Крамер, держите себя в руках! – оборвал восторг коллеги унтерштурмфюрер Пройсс. – Я не знаю, как принято у чиновников или у штабных офицеров, кто вы там на самом деле, но прежде чем сказать что-либо, надо всё-таки не забывать – вы находитесь в присутствии офицеров СС.

– Что я сказал, господа? – растерялся майор и, чтобы спасти своё положение, поднял тарелку и, заглядывая под низ, пролепетал. – Смотрите, господин оберштурмбанфюрер, господа, это и правда фарфор нашего немецкого завода Розенталь.

– Мы, немцы, и есть хозяева, – подчёркнуто зло выдал из себя Пройсс.

– Полноте, – дружелюбно похлопав подчинённого по спине, снял назревающий конфликт оберштурмбанфюрер Мейер. – Умерьте пыл, мой друг. Фарфор и правда розенталевский. У меня дома такой же. Всем к столу!

Офицеры молча расселись.

– Вернер! – окликнул гауптман Клингер всё ещё находящегося в доме другого коллегу. – Захвати для себя стул!

Пригнув голову в дверях, из дома поднялся долговязый Вернер, держа перед собой большое кресло.

– Вот кому повезло! – Воскликнул гауптман. – Смотрите, господа!

– Не желаете, господин оберштурмбанфюрер? – предложил Вернер, ставя кресло рядом с Мейером.

– Если никто не возражает, – больше для формы оправдался тот и лихо перекинул своё погрузневшее тело в кресло под общие одобрительные возгласы.

– У меня сюрприз! – возвестил Вернер, доставая из карманов галифе две бутылки с коричневой жидкостью. – Надо обмыть наше пребывание в этом городе!

– Франк, где вы это взяли? – весело воскликнул майор, подсакивая к коллеге.

– Настоящий армянский коньяк, – продолжал важничать Вернер, задрвав высоко руки с бутылками и не давая подпрыгивающему низкорослому майору зацепиться за них.

Наконец Вернер сдался, под общие аплодисменты.

– Я разливаю! – сообщил майор, откупоривая бутылку.

– Минуточку, господа! – Вернер сорвался с места и скрылся в доме. – Вот! – прокричал он, снова появившись и держа в руках бликующий на солнце хрусталь. – Бокалы!

Коньяк разлили. Каждый из офицеров на свой манер потянул носом. Оберштурмбанфюрер Мейер, обхватив ладонями бокал, круговыми движениями разогнал внутри жидкость по стенкам и только затем поднёс к носу. Закатив глаза, он вдыхал аромат терпкого алкоголя. Пройсс поднял бокал на свет и от вида возгоревшей в лучах заходящего солнца жидкости причмокнул от удовольствия.

– А я ничего не понимаю в коньяке, – с ухмылкой сказал Вернер, медленно пошатывая коньяк в фужере. – Спирт, он и есть спирт, хоть прозрачный, хоть подкрашенный, – и лихо опрокинул содержимое в рот, не дожидаясь пока все чокнутся.

– Разрешите, господа? – лёгким поклоном гауптман Клингер подкрепил свою инициативу и встал. – Господа! – торжественно провозгласил он. – Мы ведём войну с коммунистами – главными противниками Германии. Война эта, едва начавшись... – Клингер запнулся. – Господа! Хоть и затягивается эта война, но только по нашей вине. Потому что мы, немцы, гуманная нация и не желаем бессмысленных жертв... – Гауптман снова осёкся, путаясь в мыслях: – Многие миллионы лишней раз убеждаются в гениальности Фюрера и в непоколебимом могуществе его детища – великой Германии! За Фюрера! За великую Германию, господа! – Гауптман замолчал,

ожидая поддержки, но офицеры, задумавшись, притихли. – В общем, господа, давайте выпьем за победу в этой войне!

– Хайль Гитлер! – словно очнувшись, вскричали все, подскакивая со своих мест.

Пришлось приподнять зад и оберштурмбанфюреру. Внезапно возникший шум гуляющей на террасе компании офицеров ненадолго отвлек внимание военнопленных, но через мгновение снова сотни пар измождённых глаз устремились вдоль улицы.

– Посмотрите на это зрелище, – майор Крамер перегнулся через перила и указал рукой.

По улице шёл мужчина в драповом коротком пальто в крупную коричневую и чёрную клетки. Сильно натянутое на спину и короткие рукава выдавали то, что одежда не с плеча обладателя. Мужчину окружали два десятка ребятишек. Он, сколько мог, держал за руки, сжимая в своих огромных ладонях по несколько маленьких ручек, остальные дети держались сами, прихватывая его за одежду. От вида военнопленных на измождённых лицах детей появилось тревожное любопытство. Они не отрывали глаз от солдат, огороженных наспех раскинутой колючей проволокой, спотыкались, теряли из рук край одежды своего провожатого, суетно снова хватались за него не глядя. Лица военнопленных наоборот просветлели. Нашлись смельчаки и что-то выкрикивали, адресуя детям, но те так и прошли с застывшими лицами. Им навстречу выступил часовой с автоматом наперевес, не сводя пристального взгляда с мужчины. Удостоверившись, что те отвернули и переходят на другую сторону улицы, остановился и долгим равнодушным взглядом проводил их. А когда они и вовсе вошли во двор по соседству с домом, с террасы которого раздавались крики гуляющих офицеров, то и вовсе потерял интерес.

– Откуда взялись эти дети? – возвращаясь к застолью, удивлялся майор.

– Дети и война... – задумчиво проговорил оберштурмбанфюрер Мейер. – Это не совместимо.

– У меня трое, – сказал вставший, взглянуть на детей, гауптман: – Куда они делись?

– Зашли в соседний двор, – отмахнулся Майор.

– В соседний? – не унимался гауптман.

– Но это и наш дом. У нас с ним общая стена.

Все офицеры, кроме оберштурмбанфюрера, повскакивали со своих мест и присоединились к гауптману, чтобы убедиться.

– Так и есть, – подтвердил вернувшийся к столу оберштурмфюрер Франк Вернер.

– Вы, кажется, знаете русский? – равнодушно поинтересовался у него оберштурмбанфюрер и, не дождавшись ответа, распорядился: – Узнайте, что там происходит?

– Есть! Господин оберштурмбанфюрер! – щёлкнув каблуками, Вернер скрылся в доме.

Едва возобновившееся застолье прервалось вернувшимся оберштурмфюрером. Он втолкнул мужчину, который только что шёл по улице в окружении детей.

– Зачем вы его сюда приволокли? – оберштурмбанфюрер брезгливо изогнул губы.

На лицах и других офицеров появилось недоумение.

– Первый раз вижу так близко русского! – воскликнул майор, только он с интересом рассматривал мужчину.

– Вернер, спросите его, что он здесь делает и что это за дети? – пренебрежительным тоном отдал распоряжение оберштурмбанфюрер и в сторону майора направил холодные бесцветные глаза – давая тому понять – он не разделяет его восторга. – Ещё посмотрите, майор, – процедил сквозь зубы Мейер.

– Я здесь живу, – ответил мужчина.

– Он сказал – здесь живёт, – перевёл Вернер.

– Очень интересно, – протянул оберштурмбанфюрер, удивлённо поднимая брови и резко меняясь в лице.

– Кажется, этот русский понимает по-немецки, – проговорил гауптман, возбуждённо выступая навстречу мужчине. – Кто жил в этой части дома? – членораздельно, по-немецки, задал он вопрос, пристально всматриваясь тому в глаза. – Господин Мейер, он понимает! – воскликнул гауптман.

– В этой половине жили мои родители, – выдержав взгляд, ответил мужчина.

– Жили его родители, – растерянным голосом перевёл Вернер.

– Посмотрите в доме, – Мейер, прикрыв ладонью рот, наклонился к Пройссу и прошептал: – Разыщите семейный альбом.

Пройсс, кивнув оберштурмбанфюреру, поспешно удалился, а тот, в свою очередь, бросил взгляд на гауптмана, чтоб продолжал.

– Имя, фамилия? – снова по-немецки отчеканил вопрос гауптман.

– Иван Ремезов, – продолжал отвечать по-русски мужчина.

Оберштурмбанфюрер махнул рукой, не дав Вернеру открыть рта, мол, и так понятно. Поймав вопрошающий взгляд гауптмана, Мейер перевёл взгляд на ноги мужчины. Гауптман, оценив кирзовые сапоги и форменные галифе стоящего перед ним русского, тут же встrepенулся и подступил к Ремезову вплотную.

– Отвечать быстро! – прокричал он прямо в лицо мужчине. – Солдат?

– Сержант, – не моргнув, твёрдым голосом ответил мужчина и, отогнув ворот пальто, выставил лычки на гимнастёрке.

– Унтер-офицер, – перевёл Вернер.

– Почему не на фронте? Ваша часть разбита? – истерично выкрикивал гауптман.

– Нет, не разбита, отступила, – стиснув челюсти, процедил Ремезов. – Остался с детьми.

Пока Вернер переводил, вернулся Пройсс, держа в руках альбом в бархатном переплётe и отдельно фотокарточку. Он протянул её оберштурмбанфюреру обратной стороной, на которой было что-то написано. Герхард Мейер подозвал Вернера и показал тому надпись. Они тихо переговорили.

– Как имя вашего отца? – по-русски задал вопрос Вернер.

– Фридрих, – после некоторой паузы выдавил из себя Ремезов и, неумело скрывая сожаление, отвернулся.

Его взгляд остановился на военнопленных в соседнем дворе. В тени развалин дома собралась небольшая группа с расхристанными гимнастёрками и наблюдала за допросом над ним. Ивану захотелось моргнуть им, чтобы ободрить и показать – с ним всё в порядке. «Заметят ли? – с досадой подумал он. – Если бы вы знали, как мне это надо!» Вместо этого он тихо покачал головой, в надежде – может, увидят. Солдаты заметили и оживились. Некоторые повскакивали со своих мест, чем обратили на себя внимание часовых, но их тут же, рывком за руку, товарищи стащили

обратно на землю – пригрозив кулаком. Один из них потихоньку помахал ему.

– Иван Фридрихович, – ломая язык, с жутким произношением произнёс Мейер, не сводя пристального взгляда с лица Ремезова.

– Какой национальности ваш отец? – продолжил допрос гауптман.

– Русский, – шёпотом, одними губами проговорил Иван, отводя глаза от стыда за ложь.

Гауптман и Мейер устались на надпись на фотографии и, переговариваясь, посматривали на Ремезова. Мейер – с нескрываемым интересом, гауптман – с брезгливым непониманием, которое не в силах был скрыть. Мейер что-то шепнул коллеге.

– Оберштурмбанфюрер повторяет свой вопрос, – по слогам, с нарастающим раздражением декламировал гауптман. – Ты немец?

– Немец был мой отец, – краснея, снова одними губами вывел Ремезов, даже не повернувшись в его сторону. Иван не мог перед памятью об отце продолжать врать, даже врагу.

– Значит, вы немец?

– Нет, – отрезал Иван и с вызовом обвёл глазами всех присутствующих. – Русский.

Офицеры переглянулись. Они ждали реакции старшего офицера.

– Поразительно, – медленно проговорил Мейер, задумчиво отведя взгляд в сторону видневшейся полоски моря. – Немец и не хочет быть немцем.

– Откуда дети? – вопрос гауптмана снова вернул оберштурмбанфюрера к допросу, и тот перевёл любопытствующий взгляд на стоящего перед ними сержанта, не желающего быть немцем.

– Сироты из детского дома, – пояснил, как можно смягчая голос, Ремезов.

– Почему они у вас?

– Их бросили воспитатели, – выдавил из себя Иван.

– Вы повели себя как настоящий немец, – Мейер поднялся из своего кресла, и в тоне его зазвучала наставительная интонация. – Русские воспитатели бросили, а вы спасли – это по-немецки!

– Немцы разбомбили поезд, в котором ехали эти дети, – с усмешкой у краёв рта проговорил Ремезов.

– Война, – развёл руками Мейер и, словно что-то вспомнив, подошёл ближе к Ремезову: – Откуда ваши предки? – Он

специально членораздельно произнёс слова, при этом взмахом руки запретив Вернеру переводить.

Ремезов тянул с ответом, а оберштурмбанфюрер не торопил соотечественника – сержанта армии противника и с интересом разглядывал этого одинокого бойца. Его лицо напомнило описание Фюрером истинных арийцев – скуластое, с твёрдым квадратным подбородком, уверенным взглядом, голубыми глазами, и волосы... Мейера поразил арийский цвет волос этого русского. «Разве могут быть русские такими?» – задавался он вопросом, пока сержант молчал, но в упор смотрел на него. Ничего не стоило ему, оберштурмбанфюреру СС, дать команду охраннику и отправить этого наглеца к остальным военнопленным. Мейер не мог найти быстрый ответ и, более того, не мог принять быстрого решения.

– Точно не знаю, господин оберштурмбанфюрер, – по-немецки ответил Ремезов, словно догадавшись о настроении стоящего перед ним немца.

– О-о! Браво, господин оберштурмбанфюрер! – заплодировал майор Крамер. – Вам удалось заставить противника заговорить по-немецки. С такими темпами мы ещё быстрее одержим победу!

– У вас прекрасное баварское произношение, – не скрывая заинтересованного взгляда, произнёс Мейер, не обратив внимания на возгласы майора.

– Я родился в Кингисеппе, – продолжил Ремезов, так же изучая лицо собеседника. – Отец рассказывал, его предки из предместья городка Зельбе, где-то в Баварии. В тридцатые годы там нашлись наши родственники.

– Фарфор Розенталя, – задумчиво проговорил Мейер.

– Да, – согласился Ремезов, но отвечал уже по-русски, чем привлёк внимание оберштурмбанфюрера. – Сервиз – их подарок, – уточнил он и положил смурной взгляд на разложенный семейный сервиз.

– Сервиз – их подарок, – поспешил перевести Вернер.

– Пройсс! – ледяные нотки зазвучали в голосе оберштурмбанфюрера. – Приведите детей.

– Я могу и сам... – вызвался Ремезов, дурные предчувствия обуяли его.

– Нет! – грубо отрезал Мейер, но, спохватившись, расплылся в улыбке и похлопал Ремезова по груди. – Пройсс сделает это лучше вас. Вы воевали в гражданскую?

– Не довелось. Мал был ещё, – Ремезов догадался – похлопывание Мейера ничего хорошего не предвещало, таким образом тот проверил, нет ли у него при себе оружия, потому поспешил снова заговорить по-немецки, снимая вспыхнувшие подозрения, и после некоторой паузы добавил: – Отец воевал... у Врангеля.

– Да-а, Врангель, – с сожалением протянул Мейер. – Несбывшиеся мечты, – он снова задумался, устремив взгляд в сторону моря. – А представляете, – неожиданно бойко повернувшись к Ремезову, заговорил он, – если бы Врангелю удалось победить большевиков? Вы, немец, жили бы в своём поместье.

– Отец так тоже считал... – пробубнил Ремезов, но оберштурмбанфюрер расслышал.

– Вот видите, значит, я прав!

– Отец считал, – глядя в пол, заговорил Ремезов. – Нам следовало бы проиграть немцам войну. Подумаешь, говорил он маме, ну пришли бы к нам двести-триста тысяч немцев. Через десять-пятнадцать лет они стали бы русскими, и мы сохранили бы Россию.

– Да-а, – тяжело вздохнув, Мейер снова отвернулся от собеседника, устремив стеклянный взгляд на морскую гладь. – Ваш отец был мудрым человеком, – задумчиво проговорил он.

– Господа! Ещё коньяк? – вскочил Клингер, начавший тяготиться непредвиденным поворотом вопроса русского. – Господин оберштурмбанфюрер? – Клингер натянул на физиономию улыбку и постучал ногтем по бутылке.

– Наливайте, гауптман, – махнув рукой, согласился Мейер, лениво взирая, как тот разливал коньяк по фужерам. Оберштурмбанфюрер никак не мог отделаться от тяжёлых раздумий, навеянных ему этим русским сержантом. – Хозяину не забудьте налить, – неожиданно предложил оберштурмбанфюрер, весело взглянув на майора. – Не так ли, майор?

– Всё-таки он немец, – с покорностью согласился майор.

Офицеры, ожидавшие реакции старшего по званию, оживились, разбирая бокалы.

– Мне вспомнился знакомый, который пытался разбогатеть, но при этом желал остаться честным, – возбуждённо стал рассказывать Клингер, испытывая удовольствие от того, что каждое его слово звучит ясно. – Я думаю так – даже больше – я уверен – в жизни побеждает сильный! Сильные властвуют над миром, а слабые гибнут в помойке истории! Вот только что на наших глазах господин оберштурмбанфюрер продемонстрировал, как может повернуться судьба человека, когда сильный властвует над миром. Даже враг заговорил по-немецки!

– Bravo! Bravo! – аплодисментами поддержали его офицеры.

– Ещё минуту внимания! Вы позволите, господин оберштурмбанфюрер? – продолжал Клингер. – Нам открываются широкие перспективы! Лично я обеспечу себя красивыми женщинами! Очень важно при этом не забывать – мы – немцы! Мы призваны решить, наконец, вопрос о принадлежности планеты Земля одной, сильной нации!

Звон хрустала разлился по всей округе в знак согласия с его словами.

– Мне стало известно, господа, – доверительно сообщил Клингер, – в тылу у русских нет резервов, и, следовательно, их фронт не представляет для нас серьёзного препятствия.

– Мы всё равно будем маршировать дальше! – вяло поддержал майор.

Он ещё что-то хотел добавить, но его прервал показавшийся в дверях Пройсс с толпящимися у входа ребятишками, никак не желавшими проходить на террасу.

– Ребята! – позвал Ремезов. – Я здесь. Всё в порядке. Проходите.

Завидев Ремезова, дети нерешительно выходили и, перебегая, прятались за его спину.

– Потому что сегодня нам принадлежит Европа! – глядя на детей с неожиданно нахлынувшей растерянностью, проговорил Клингер.

– Это что у тебя в руках? – присаживаясь рядом с невысокого роста девочкой, дружелюбно поинтересовался Мейер.

– Отвечай господину оберштурмбанфюреру, – перевёл Вернер и постучал пальцем по кофру. – Откуда ты взяла это?

– Это её скрипка, господин оберштурмбанфюрер, – поспешил ответить

за девочку Ремезов. – Она занимается музыкой.

– Дай посмотреть, – скривив дружелюбную улыбку, Мейер протянул руку.

– Ты должна дать скрипку немецкому офицеру, – перевёл Вернер и, высвобождая из цепких детских рук кофр, протянул его оберштурмбанфюреру.

Мейер клацнул замками и открыл футляр.

– Ого-го! – от восторга он цокнул языком. – Дель Джезу! – Мейер с интересом посмотрел на девочку. – Ты знаешь, какой мастер сделал это инструмент?

– Где ты взяла эту скрипку? Быстро отвечай оберштурмбанфюреру! – в истерике прокричал Вернер, неточно переведя вопрос старшего офицера.

– Это моя скрипка, – с детским упрямством сказала девочка. – Её мне подарил папа.

– Вы неправильно переводите! Полковник спросил, какой мастер сделал скрипку, – занервничал Ремезов. – Она не знает, господин оберштурмбанфюрер, – поспешил заступиться за девочку Иван. – Она ещё только учится.

– Гварнери, – тихо произнесла девочка.

– Вот видите, сержант, – отстраняя Ремезова в сторону, медленно заговорил Мейер. – Она знает, в отличие от вас. Правильно, – уже обращался он к девочке. – Джузеппе Гварнери, прозванный Дель Джезу.

Оберштурмбанфюрер достал скрипку и, рассматривая, присел перед девочкой на корточки.

– Ты знаешь, что обозначают эти буквы? – Мейер не спешил, внимательно всматриваясь в лицо девочки.

– Ты знаешь, что обозначают эти буквы? – подтолкнув в плечо девочку, перевёл Вернер и снова поторопил, видя, что та молчит. – Быстро отвечай!

Мейер жестом руки остановил слишком прыткого подчинённого.

– Иисус наш союзник, – помедлив, снова тихо ответила девочка.

– Я так и думал, – поднимаясь, заключил Мейер. – Она еврейка. Только евреи так переводят аббревиатуру Гварнери. Немцы, истинные немцы, читают: Под этим знаменем победишь.

Ремезов спрятал девочку себе за спину и сделал шаг вперёд, готовый накинуться на любого, кто посмеет подойти.

– Что-то вы зеваете, гауптман, – хитро прищурившись, Мейер покачал головой, сделав вид, что не заметил беспокойства сержанта.

– Один момент, господин оберштурмбанфюрер, – беря бутылку, вскочил со своего места Клиндер.

– Что вы цедите? – пьянеющим ртом воскликнул Мейер. – Наливайте по-русски – до краёв. Вот видите, – и он указал пальцем на Ремезова. – Перед нами немец, который не хочет быть немцем. Так давайте выпьем по-русски. Унтер-офицер советской армии! – вскричал Мейер, резко повернувшись к Ремезову.

– Я сержант советской армии, – сквозь плотно сжатые губы выдавил из себя Ремезов.

– Он сказал... – собрался перевести Вернер, но оберштурмбанфюрер его остановил.

– Сержант Иван, – беря два бокала наполовину наполненные коньяком, Мейер подошёл к Ремезову. – Выпьем по-русски, за нашу победу.

– Выпьем, – принимая бокал, согласился Ремезов и, помедлив, добавил: – За нашу победу.

– Вы смелый человек, сержант, – Мейер потыкал пальцем в грудь Ремезова и опрокинул содержимое бокала в рот. – Похвально, – выдохнул он, захлёбываясь парами спирта. Оберштурмбанфюрер взял со стола два куска хлеба и один подал Ремезову.

– Так у вас закусывают? – свой кусок он поднёс к носу и сильно, так чтобы было слышно всем, потянул носом.

– Поделитесь по кусочку, – не обращая внимания на пьянеющего оберштурмбанфюрера, Ремезов, разломив хлеб на несколько кусочков, раздал детям.

– Bravo! – зааплодировал оберштурмбанфюрер.

Не разобравшись что к чему, офицеры разноголосо прокричали: «Bravo», и ироничный жест Мейера превратился во всеобщее аплодирование. Ремезов заметил – это разозлило оберштурмбанфюрера. Движения его стали резкими, а взгляд посуровел и загорелся.

– Хорошо, – он подошёл к девочке и сунул ей в руки скрипку. – Играй.

– Она устала, – попытался заступиться за подопечную Ремезов, он говорил бегло и по-немецки: – Мы только что прошли двенадцать километров. Дети валяются с ног.

Разрешите им отдохнуть... Завтра она сыграет.

– Как только она перестанет играть, – оберштурмбанфюрер достал из португепи пистолет и передёрнул затвором, – я буду стрелять.

Гуляющая компания офицеров замерла от неожиданного заявления старшего по чину. Мейер же не обращал внимания на окружающих, а выбирал мишень. Неожиданно он развернулся на каблуках, твёрдой походкой подошёл к креслу и придвинул его к краю террасы. Уселся в него, положил руку с пистолетом на поручень ограды и приготовился.

– Вот по ним, – выговорил его пьяный рот, – и он зажмурил на мгновение один глаз. Раздался выстрел. Дети вздрогнули и ещё плотнее прижались к Ремезову. Во дворе напротив вскрикнули. Устроившиеся на земле военнопленные повскакивали. Тут же толпа разделилась на людей в гражданской одежде и на военных. Всполошились и часовые, но увидев – это развлекается группа офицеров во главе со оберштурмбанфюрером СС, заржали и приготовились развлечься.

– Играй! – снова приказал Мейер.

– Надо играть, – Ремезов погладил девочку по голове.

– Я не могу, – трясущимися губами едва произнесла та и подняла руки. Они так же тряслись.

– Ты сможешь, – Ремезов схватил девочку за руки и поцеловал в лоб. – Только соберись. Это как перед экзаменом, – Ремезов нервно растянул рот, пытаясь изобразить улыбку. – У тебя были экзамены в музыкальной школе?

– Не-ет, – мотыляя головой, прошептала девочка. – Меня папа дома учил...

Девочка хотела что-то ещё сказать, но в этот момент раздался выстрел, и в ту же секунду на другой стороне улицы взвыл от боли очередной раненный пленный.

– Я жду, – заплетающимся языком проговорил оберштурмбанфюрер, выцеливая следующую жертву.

Лёгкий кивок головы Мейера сопровождался режущим щелчком выстрела, и в последний раз вскрикивал военнопленный, падая замертво.

– Надо попробовать, – подхватывая девочку на подкосившихся ногах, умоляюще попросил Ремезов.

– Я обписялась, – едва стоя на ослабевших ногах, пролепетала девочка.

– Что? – не понял Ремезов.

Девочка только перевела взгляд вниз и тихо расплакалась. Её мокрые чулки заканчивались небольшой лужицей, медленно расползающейся вокруг сандалии.

– Надо, дочка, – нервно целуя ребёнка в волосы, прошептал Ремезов.

Дрожащая рука девочки заводила смычком по струнам. Под разливающиеся по всей округе дребезжащие звуки скрипки, Ремезов не отрывал взгляда от пьяной спины оберштурмбанфюрера. Для него время словно остановилось. Сотни пар глаз военнопленных были так же устремлены в его сторону.

Стоило скрипке утихнуть, тут же раздавался выстрел. В толпе военнопленных снова падал боец. Тревога во взгляде Ивана дополнилась удивлением, и глаза

расширились – он видел, как от выстрела к выстрелу, поднимались всё новые и новые военнопленные и присоединялись к группе товарищей, и устремляли немигающие взгляды на девочку, водящую смычком по струнам скрипки. И вот уже все бойцы, сгрудившись, стояли одним целым.

– Не надо, дочка! – вдруг кто-то выкрикнул из толпы военнопленных.

– Не надо! Нет! Не надо! Нет! Нет! – загудели в унисон голоса.

Много ещё будет страхов, криков и смертей в жизни Ремезова, но именно эти запомнятся на всю жизнь. Они его не покинут и тогда, когда Иван будет лежать, избитый, на нарах, отбывая в колонии наказание за то, что остался с детьми в тылу врага. «Не надо! Нет! Не надо! Нет!» будет пульсировать в висках и отсчитывать каждый удар родного кирзового сапога.